

Цзян Тинчжоу почувствовал странную, почти невесомую лёгкость, будто его тело обратилось в пушину и воспарило над землей. Мысли лениво потекли вспять, выуживая из глубин памяти картины давно минувших дней, словно кадры старой киноленты.

Он вспомнил себя семнадцатилетнего — совсем ещё зелёного юнца, только-только принятого в ученики. Худой, кожа да кости, просторная поварская куртка висела на нём мешком. Глупый, испуганный мальчишка. Он помнил, как трижды чинно склонился перед наставником, коснувшись лбом пола, а завершив обряд, поднял глаза и ляпнул откровенную глупость:

— Мастер, а какого повара можно назвать самым лучшим?

Великий мастер Ван, круглолицый и добродушный, точь-в-точь глиняный смеющийся Будда, лишь усмехнулся в усы. Обошёлся без заезженных истин вроде «нет предела совершенству», а ответил просто:

— В нашем ремесле не нам решать, Тинчжоу. Если люди любят твоё дело, если над каждой твоей тарелкой ахают да нахваливают — значит, ты лучший.

Заметив, как поник парень, наставник добавил мягко:

— А-Чжоу, я ведь знаю: ты вернулся в семью всего два года назад. Родные тебя не понимают, да и натерпелся ты до этого вдоволь. Но поверь моему слову: у тебя редкий дар. Будешь прилежно учиться — станешь самым молодым шефом. И лучшим в своём деле. Будет мастерство — будет и почёт. Готовь так, чтобы за уши не оттащить, и тогда все тебя признают.

Молодой Тинчжоу тогда лишь дерзко фыркнул: «Да сдалось мне их признание!» — но слова мастера запали в душу глубоко, согревая изнутри.

Он жил с этой верой долгие годы, свято веря, что упорным трудом проложит себе дорогу к счастью. Но сейчас, оглядываясь назад, чувствовал лишь глухую, изматывающую тоску.

Лёгкость улетучилась мгновенно. На смену ей пришла свинцовая тяжесть, будто к ногам привязали валун и швырнули в омут. Лёгкие горели, дышать было нечем, всё тело пронзила острая, колющая боль. Сколько длилась эта пытка, он не знал, пока сквозь гул в ушах не пробились резкие, раздражающие голоса.

— Шеф, шеф-повар Цзян... Цзян Тинчжоу! Да очнись же ты! Гости уже на пороге, а он дрыхнет как сурок! Плиту пора разжигать!

— У него же ещё со вчерашнего дня жар...

— Подумаешь, тридцать девять градусов! Дело молодое, выдюжит. А «Фаршированные реки и горы» кто за него готовить будет? Твоя бабушка? Пускай потерпит пару часов, потом хоть заспится!

Цзян Тинчжоу ещё не успел разомкнуть веки, а этот невыносимый гвалт уже раскалывал ему череп. Тело горело, голова кружилась, веки весили тонну. Какая-то настырная тварь трясла его за плечи и хлопала по щекам. Секундой позже на лоб шлёпнулось ледяное полотенце, а в рот попытались насильно влить воду.

Он хотел было гаркнуть на наглеца, да только из горла вырвался хрип. Наполовину в беспамятстве, он не мог разлепить губы. Вода пролилась мимо, потекла по подбородку прямо за шиворот. Этот холодный ручеёк заставил его крупно вздрогнуть. Ощущение было поистине адским.

Да, он определённо умер.

Ещё мгновение назад его машина летела с эстакады. Покорёженный металл сдавил грудь, тёплая кровь хлестала из горла, заливая шею... Тогда было точно так же холодно.

Хотя, скорее всего, это просто игры угасающего разума. При таком страшном ударе смерть наступает мгновенно, без лишней возни.

Мысли ворочались со скрипом, но вдруг среди лихорадочного бреда вспыхнула отчётливая догадка.

«Постойте. Если я умер, почему мне так больно?»

Он прекрасно помнил ту ночь. Важные документы, три часа утра, он сам за рулём едет в офис. Ещё при выезде со стоянки защемило в груди, но он отмахнулся — некогда. А на трассе сердце вдруг зашлось в бешеном ритме, дыхание перехватило. Острая вспышка боли в левом боку, темнота в глазах, руль вильнул в сторону, и внедорожник снёс ограждение, рухнув с огромной высоты. Всё произошло за доли секунды.

Та кровь, что брызнула у него изо рта перед смертью, была не столько от травм, сколько от дикой, удушающей злости.

Он всю жизнь карабкался вверх, падал, поднимался снова — и погиб вот так нелепо? В тридцать два года, будучи генеральным директором Пищевой компании Цзян, на самом пике своего могущества и славы!

И ладно бы просто смерть, но последние полмесяца выдались сущим адом из-за внезапного возвращения его сводного братца, Цзян Ю.

Этот скользкий лицемер умудрился за границей окрутить очередного богатенького покровителя, вернулся в страну и втихомолку переманил на свою сторону нескольких топ-менеджеров и мелких акционеров. Решил, мерзавец, устроить очередной раунд борьбы за власть.

Конечно, для закалённого в боях Цзян Тинчжоу это были лишь мелкие брызги. Неужели он бы не справился с этим ничтожеством?

Их вражда с Цзян Ю тянулась с самого детства.

В пять лет Тинчжоу потерялся. В пятнадцать его отыскивали. Помпезный семейный дворецкий, брезгливо обходя лужи на рынке, нашёл парня в мясной лавке «Мэйхао». Тинчжоу тогда стоял с тяжёлым тесаком в руках, весь пропахший сырой кровью, а рядом на засаленном прилавке лежали залитый мясным соком учебник и табель с едва натянутыми тройками. Тинчжоу тогда лишь хмуро зыркнул на гостя.

Он никак не вписывался в изнеженную, роскошную жизнь семейства Цзян.

После возвращения домой его сразу же сопоставили с приёмным ровесником Цзян Ю. Они возненавидели друг друга с первого взгляда. Началась тихая война на выживание.

Чтобы доказать своё превосходство, Тинчжоу с головой ушёл в кулинарию. Он пахал как проклятый. Стены его комнаты ломились от кубков и золотых медалей престижных поварских конкурсов. Он даже зубами вырвал у Цзян Ю расположение наследника влиятельного клана Лу — Лу Байюя, которого тот так отчаянно обхаживал. Из забитого приемыша он вырос в ключевую фигуру корпорации.

Даже когда из-за несчастного случая его правая рука пострадала настолько, что он больше не мог держать поварской нож, Тинчжоу сумел использовать это ранение, чтобы вышвырнуть Цзян Ю из страны без гроша в кармане. Пережить крах карьеры шефа, переучиться на управленца и шаг за шагом поднять под себя всю компанию — на это потребовались колоссальные силы. Но он справился. Он стал единоличным правителем империи.

И вот теперь, когда этот хитрый лис Цзян Ю вернулся, надеясь на реванш, Тинчжоу готовился нанести ему сокрушительный удар на совете директоров. Брат умолял о встрече, лепетал что-то про «желание объясниться и забыть старые обиды», но Тинчжоу не верил ни единому его слову.

Он поклялся, что никто и никогда не разрушит его с трудом выстроенную жизнь.

И тут — такой нелепый финал. Инфаркт за рулём. Машина всмятку, от тела, небось, мокрого места не осталось. А победа на блюдечке с голубой каёмочкой досталась этому ничтожеству Цзян Ю.

От этой несправедливости Тинчжоу готов был выть. Ярость клокотала в груди, а тут ещё эти крики над ухом. Кто-то бесцеремонно приподнял его, прислонил к стене и силой влил в рот какую-то гадость.

Снадобье оказалось невероятно горьким и обжигающе горячим — резкий контраст с ледяной водой. Тинчжоу попытался выплюнуть его, но только поперхнулся. Горькая жижа обожгла горло, он зашелся в яростном кашле, и эта вспышка боли окончательно вернула его в реальность.

— Очнулся! Наконец-то!

Перед глазами стояли трое. Они явно обрадовались его пробуждению, совершенно не заботясь о том, что он кашляет до багровых пятен на лице.

— Быстро в кухню, шеф! Время поджигает, гости с минуты на минуту приедут, все только тебя и ждут!

— Ты хоть понимаешь, сколько проспал? Мы из-за тебя кучу времени потеряли!

Тинчжоу с трудом сфокусировал взгляд на говоривших. И опешил.

Сколько лет он не видел этих физиономий? Перед ним стояли сотрудники старого ресторана «Императорский пир».

Династия Цзян издавна владела сетью элитных заведений китайской кухни, и эта точка была их самым первым, флагманским рестораном. А эти трое — управляющий, администратор зала и су-шеф той эпохи. Десять лет назад он уволил их всех без выходного пособия за профнепригодность и воровство.

Но сейчас они стояли перед ним и вели себя нагло. Особенно управляющий Ян Цзиньхао, который, невзирая на его сильный жар, бесцеремонно тянул его за рукав.

— Ты чего застыл? Гости уже едут. Сам ведь знаешь, кто такой Чжао Тунчжи — звезда первой величины! И пресса с ним. Один их отзыв в соцсетях стоит больше, чем любая реклама! Да, они забронировали столик в последний момент, но упускать такой шанс нельзя. Понимаю, что тебе нездоровится, но ради престижа нашего ресторана надо перетерпеть. Соберись!

Тинчжоу попытался подняться, но колени подогнулись, и он снова рухнул на матрас.

Голова соображала туго.

«Какая авария? Какое „Императорский пир“?»

Он точно помнил, что сразу после того, как прибрал к рукам власть в корпорации, он первым делом вычистил этих пиявок из ресторана. Почему они здесь?

Тинчжоу огляделся. Место казалось смутно знакомым — тесная, душная каморка отдыха при кухне старого ресторана в городе Юнцин. В свои двадцать два года он дневал и ночевал здесь, разрабатывая новые рецепты. Но ведь эту каморку снесли во время капитальной реконструкции ещё бог весть когда!

Он перевёл взгляд на настенный календарь. На дешёвом пластике чётко красовалась дата: **1 апреля 2016 года**.

Десять лет назад?

Тинчжоу мгновенно растерял остатки сонливости. Он поднял перед лицом правую руку.

Она была цела.

Никаких шрамов, никакой вялости в пальцах. Кожа покрыта застарелыми мозолями от ножа и мелкими ожогами от брызг раскалённого масла, но ладонь была сильной, живой и послушной. Он медленно сжал и разжал кулак. Пальцы двигались идеально — никакой повреждённой нервной проводимости, с которой он безуспешно боролся годами после того злосчастного случая.

— Шеф, ну же, вставай, — настырный голос управляющего Яна вырвал его из ступора. Тело нещадно ломило. — Ты идти-то можешь? Кухня стоит.

Это не бред и не предсмертные видения.

Он действительно вернулся на десять лет назад.

Любой другой на его месте прыгал бы от радости, но Тинчжоу почувствовал, как к горлу подкатывает глухая, удушающая ярость.

«Да вы издеваетесь?! За какие грехи?!»

Какого чёрта он должен заново проходить весь этот адский путь именно тогда, когда наконец-то победил и заслужил право на спокойную, роскошную жизнь?

Возвращение здоровой руки не радовало. Перспектива заново вкалывать как проклятый вызывала лишь глухое отвращение.

Тинчжоу прекрасно помнил этот период. В свои двадцать два года он только-только заступил на должность шеф-повара. На бумаге — триумфатор, а на деле — безропотная рабочая лошадь.

Буквально месяц назад он завоевал золото на Национальном кулинарном конкурсе Центрального телевидения Китая. Его финальное блюдо — «Фаршированные реки и горы» из нежнейшей рыбы, рыбьего клея и диких грибов — произвело фурор. Критики захлёбывались от восторга, а в ресторан хлынул нескончаемый поток клиентов.

Блюдо было невероятно сложным в исполнении. У других поваров выходила жалкая пародия, повторить тончайший баланс вкуса мог только сам Тинчжоу. И вся нагрузка легла на его плечи.

Ему приходилось не только стоять у плиты по двенадцать часов, но и давать интервью, вести переговоры с поставщиками, контролировать качество продуктов и обновлять меню. Иногда приходилось выходить в зал к капризным высокопоставленным гостям, чтобы поддерживать престиж заведения.

Он работал за десятерых, заменяя и управляющего, и администратора. А по ночам ещё и штудировал иностранную литературу, готовясь к международным конкурсам.

Даже ломовая лошадь сдохла бы от такого графика.

В итоге молодой организм не выдержал. Вчера он слёг с высокой температурой, но сегодня эти стервятники, прекрасно зная о его состоянии, даже не подумали вызвать врача. Напротив, они приняли сложный банкет и припёрлись выжимать из него последние соки.

В прошлой жизни он, ослеплённый желанием доказать семье свою полезность и утереть нос Цзян Ю, действительно поднялся и пошёл к плите. Отработал смену безупречно, а после — рухнул без сознания прямо у порога кухни. Пневмония, неделя в реанимации на грани жизни и смерти.

Тогда он не жалел об этом — это был кирпичик в фундамент его будущей победы. Но проходить через это дерьмо второй раз?

Увольте.

Сейчас, когда он уже знал цену каждому своему шагу, этот дешёвый манипулятивный трюк вызывал лишь холодное бешенство.

Он посмотрел на стоявших перед ним бездельников.

— Рты закрыли, — хрипло выплюнул Тинчжоу.

Горло отозвалось резкой болью, голос прозвучал наждачно и тихо, но в нём было столько ледяного холода, что троица невольно притихла. Впрочем, управляющий Ян быстро опомнился.

— Тинчжоу, ну сделай усилие, всего один стол! — заговорил он чуть мягче, но в голосе по-прежнему сквозило привычное покровительство. — Пойми, это твой шанс. Укрепим репутацию ресторана, и в компании никто слова против тебя не скажет. Мы все тебя поддержим, твоему братцу Цзян Ю тут ловить будет нечего.

При упоминании этого имени у Тинчжоу болезненно запульсировало в висках. Он откинулся на подушку и холодно процедил:

— Горло горит. Принеси воды.

Управляющий Ян Цзиньхао, сухощавый мужчина с крысиным лицом и хитрыми треугольными глазками, опешил:

— Мне? Принести?

Он решил, что ослышался. Тинчжоу никогда раньше не смел разговаривать с ним в таком тоне. Ян приходился каким-то дальним родственником отцу Тинчжоу, всегда мнил себя старшим наставником и привык, что молодой шеф беспрекословно ему подчиняется.

Разозлившись, но понимая, что без повара банкет сорвётся, Ян сдержал гнев и нехотя налил стакан воды из графина.

Но стоило ему протянуть стакан, как Тинчжоу резким движением плеснул ледяную воду ему прямо в лицо.

Ян задохнулся от неожиданности, закашлялся. Вода потекла по его гладко выбритым щекам за воротник дорогой рубашки. На улице стояла промозглая сырая весна, отопление в каморке давно отключили, и управляющий крупно задрожал от холода и ярости.

— Ты что творишь, щенок?! — взвизгнул он.

— Хотел проверить, понимаешь ли ты, каково это — захлёбываться ледяной водой, когда тебе хреново, — равнодушно отозвался Тинчжоу, даже не шевельнувшись. — А теперь принеси нормальной воды. Тёплой.

— Да ты!..

Ян замахнулся было, но натолкнулся на тяжёлый, мёртвый взгляд Тинчжоу и осёкся. Менеджер Чэнь, испуганно переглянувшись с коллегами, поспешно налил другой стакан.

Тинчжоу не прикоснулся к нему, лишь слегка коснулся пальцем стекла.

— Холодная. Мне нужна тёплая.

— Да где я тебе её возьму? — огрызнулся Чэнь.

— Вскипяти чайник и разведи. Или ума не хватает сообразить, как пользоваться бытовой техникой? — Тинчжоу прищурился, и в его взгляде проскользнуло такое откровенное презрение, что у менеджера перехватило дыхание. — Чего стоите? Ждёте, пока от вашего взгляда вода согреется? Шевелитесь.

Такого Тинчжоу они ещё не видели.

Обычно вежливый, пусть и замкнутый парень сейчас выглядел пугающе. Под глазами залегли глубокие тени, лицо осунулось от лихорадки, но во всём его облике сквозила подавляющая, почти физически осязаемая властность. От него веяло такой тяжёлой, мрачной аурой, словно перед ними сидел восставший из могилы мстительный дух, готовый в любой момент перегрызть им глотки.

<http://bllate.org/book/19956/1995087>